

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

Локальные войны и вооруженные конфликты XX века

В декабре 1972 года
вьетнамские летчики
на советских МиГх
мужественно
отражали удары
американской авиации

Великая Отечественная: воинское обучение и воспитание

Дружба народов СССР —
важнейший фактор
победы над фашизмом

Великая Отечественная: полководцы и военачальники

Командующие
фронтами 1944 года

Эпоха в биографиях «Генеральская составляющая» истории американского президентства

Военное строительство

Вооруженные силы
Республики Казахстан:
этапы становления

Армия. Общество. Конфессии

Мусульмане
и мусульманское
духовенство
в иррегулярных войсках
Российской Империи
в XVIII — начале XX века

Воинское обучение и воспитание

Организация
политической работы
в Вооруженных силах
России в марте—
октябре 1917 года

Точки зрения. Суждения. Версии

От Первой мировой
к Гражданской

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», майор (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — начальник Главного штаба Военно-морского флота — первый заместитель главного командующего Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, полковник, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор Историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
О.В. КАРПОВА, полковник;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, подполковник;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:

Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса;
Г.В. САТИК

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОВЕТСКИХ БОЕВЫХ ВЕРТОЛЕТОВ ВО ВРЕМЯ АФГАНСКОГО КРИЗИСА 1970–1990-х ГОДОВ

В СЕНТЯБРЕ 1986 года командование 335-го отдельного боевого вертолетного полка ВВС 40-й армии по ходатайству командира эскадрильи приняло решение направить нашу пару на побывку домой*. Ничего необычного в том не было, поскольку по медицинским нормам летный состав, выполнивший определенное количество боевых вылетов, отправлялся для восстановления здоровья в профилакторий. В отношении боевых вылетов тут, наверное, даже был перебор, но мы покривили бы душой, сказав, что наше здоровье было подорвано. Оно было в порядке, хотя, конечно же, ощущались большая усталость и нервное перенапряжение. Да и как им не ощущаться в боевой обстановке? Поводов для этого — по несколько на день.

Например, за десять дней до радостного известия о двухнедельном профилактическом отпуске, а точнее 2 октября 1986 года, душманы, применив ПЗРК «Стингер», сбивли афганский транспортный вертолет с 13 гражданскими пассажирами на борту. Наши экипажи тогда находились на дежурстве. Поэтому для сопровождения группы поиска и спасения людей именно мы вылетели в район падения Ми-8. Однако живых никого не нашли. Все афганцы погибли. При барражировании в зоне падения вертолета по нам также открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. Используя новые мощные неуправляемые ракеты, мы поразили огневые точки и благополучно вернулись на базу.

Еще раньше, 25 сентября, завершая обычный полет на поиск и уничтожение караванов с оружием, группа из восьми транспортных и боевых вертолетов осуществляла над аэродромом снижение с высоты 4500 м. Остальные летчики в это время находились в классе, на постановке задач на следующий день. Я со своим звеном тоже был там. Неожиданно мы услышали довольно сильный взрыв, затем еще и еще. Пытаясь понять, в чем дело, выскочили на улицу и увидели следующую картину: прямо над нами спиралью снижались шесть вертолетов, а на земле, на удалении 100—300 м от полосы, горел сбитый Ми-8. В воздухе же зависли на парашютах выпрыгнувшие летчики.

Как потом выяснилось на разборе, по группе, заходившей на посадку, душманы из засады произвели 8 пусков ПЗРК «Стингер» с расстояния 3800 м от взлетно-посадочной полосы. После первого же пуска руководитель полетов дал команду экипажам на включение средств защиты и открытие огня по нападавшим, однако стрелять было нечем: весь боекомплект уже полностью израсходовали, и боевые вертолеты даже не смогли нанести ответный удар. Все, кто своевременно включил отстрел тепловых ловушек, защитились от ракет, а два вертолета оказались сбитыми. Один из них, Ми-8, взорвался в воздухе, при этом выжил только правый летчик, которого взрывом выбросило из кабины, ну а парашют раскрылся автоматически. Командир поврежденного Ми-24, дав ко-

манду экипажу покинуть машину, сумел посадить ее, однако при приземлении получил серьезные травмы. Он был срочно доставлен в госпиталь, но врачам спасти его не удалось. Этим командиром был один из наших молодых летчиков Евгений Погорелов**. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, он был награжден орденом Красногосзнамени (посмертно).

Конечно, руководство полка не бездействовало в эти сложные минуты. Сразу поняв, что адекватный ответ противнику летчики дать не смогли, командный пункт немедленно передал координаты цели на позицию реактивной артиллерии, и по бандитам был нанесен ответный удар. Через день мы провозжали тела наших погибших товарищей на Родину, и уже 28 сентября опять приступили к выполнению очередных задач.

Словом, подобных эпизодов, истощавших нервную систему, в течение пяти месяцев пребывания на афганской войне было предостаточно. И все же предстоящий отдых для нас представлялся важным большей частью тем, что позволял нам встретиться с родными и близкими.

ОТПУСКНОЕ время пролетело очень быстро. По прибытии в полк меня ожидало радостное известие — присвоено очередное воинское звание капитан. Отметим скромно. И не столько потому, что законы были суровые, а скорее из-за того, что каждый день экипажи выполняли задачи, и было не до застолий. Так, когда 7 ноября 1986 года вся страна праздновала 69-летие Великой Октябрьской социалистической революции, мы выполнили 4 полета на поиск и уничтожение караванов с оружием, а ночью прикрывали аэродром с воздуха. В период с 9-го по 12-е продолжали выполнение различных задач.

14 ноября приступили к подготовке и проведению очередного этапа операции «Кордон» по уничтожению мощно укрепленных районов на афганской территории недалеко от границ с Пакистаном. В ходе этой совместной с войсками Демократической Республики Афганистан (ДРА) операции наш экипаж произвел 16 вылетов. Находясь в составе ударных групп, мы уничтожили две душманские крепости и прикрыли высадку и действия более 1200 человек десанта. Потерь летного состава и техники в этой крупномасштабной операции у нас не было.

К сожалению, у наших товарищей по оружию, афганских летчиков, 15 ноября в районе населенного пункта Наве-Каза был сбит Ми-24, экипаж погиб. По просьбе афганцев и по решению нашего командования моему звену в этой ситуации было поручено нанести ответный удар, что мы успешно выполнили.

16 ноября началась операция по зачистке Панджшерского ущелья, где в ту пору руководил мятежниками знаменитый Панджшерский Лев Ахмад Шах Масуд. В этой операции наш полк участия не принимал. Но упоминаю я об этом потому, что 16 ноября получил печальное известие: мой первый летчик-инструктор Сергей Донович Пряничников погиб при выполнении боевой задачи в районе населенного

* В предыдущей статье (см.: Воен.-истор. журн. 2005. № 1) автор сосредоточил основное внимание на особенностях использования вертолетов в условиях Афганистана, в нынешней — подробнее освещает мастерство авиаторов-вертолетчиков в ходе боевых действий.

** Фамилии участников описываемых событий за исключением автора публикации изменены.

пункта Анава (площадка № 15). Желая быстрее оказать помощь блокированному десантному полку, он принял решение производить высадку подкрепления на гору в непосредственной близости от противника.

Едва вертолет коснулся передней и левой боковой стойками шасси гребня горы, как ожила огневая точка моджахедов. Пули повредили управление. Пламя стало лизать обшивку, когда грузовую кабину еще не успели покинуть десантники. Пряничников чувствовал, что машина начинает заваливаться на бок, и старался изо всех сил удержать ее. Для него тогда не было важнее задачи, чем дать возможность солдатам благополучно покинуть машину. О себе, своей безопасности он не думал.

В тот момент, когда последний десантник покинул вертолет, справа по борту раздался сильный взрыв, огненный факел ворвался в пилотскую кабину, опалил его лицо. Майор Пряничников успел крикнуть члену экипажа: «Покинуть машину!», затем сбросил левый блистер и, когда вертолет уже падал в пропасть, вывалился из него сам. Офицер получил сильные ожоги лица и тела. Он был доставлен в госпиталь, но спасти его не удалось. Я не смог ни увидеться, ни попрощаться с ним, так как продолжал выполнять боевые задачи.

28 ноября два наших Ми-24 были сбиты пятью пусками ПЗРК. Произошло следующее. Пара боевых вертолетов, где командирами были мои друзья старший лейтенант Володя Ксенз и лейтенант Игорь Козлович, завершая выполнение задачи, отстали от основной группы. На высоте 1500 м экипаж ведущего был сбит двумя пусками ПЗРК. Получив команду на покидание вертолета, оба летчика выпрыгнули с парашютами, но падающий вертолет своими винтами нанес им смертельные ранения в воздухе. Ведомый, защищая своих товарищей, приступил к обстрелу банды, сбившей ведущего, и выполнил несколько боевых заходов, но си-

туация складывалась явно не в его пользу. Произведя еще три пуска ПЗРК, душманы серьезно повредили вертолет Козловского, который все же сумел произвести аварийную посадку, однако после неудачного приземления его машина вспыхнула и полностью сгорела. Между тем своевременно покинувший ее экипаж продолжал уже на земле отстреливаться от нападавших, пока не подоспела подмога. Тела погибших вместе со спасшимися эвакуировали. Все летчики этой пары Ми-24, в том числе и погибшие, за проявленное мужество были представлены к награждению орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

В СЕРЕДИНЕ декабря нам довели приказ министра обороны СССР о присвоении мне и ряду других офицеров квалификации «военный летчик 1-го класса».

Конец декабря в Афганистане, как, впрочем, и в России, характеризовался ухудшением погоды. Поэтому оставшиеся до Нового года дни мы активно использовали, чтобы подготовить летный состав к полетам в сложных метеоусловиях. Параллельно с выполнением боевых вылетов мне пришлось летать в качестве инструктора практически каждый день. Так, 20, 22, 24, 25 и 26 декабря я совершил с этой целью 38 полетов. Новогодние же праздники прошли спокойно: летали мало, поскольку погода была неважная, да и командование 40-й армии, видимо, решило дать отдохнуть людям от боев и накопить силы для разгрома душманов.

Утром 4 января 1987 года пришла телеграмма ставки Южного направления, которая предписывала мне и штурману звена Валерию Мешакову убыть в качестве инструкторов для обучения полетам на корректировку огня артиллерии группы экипажей Ми-24.

В то же время летчики нашего полка в Джелалабаде продолжали выполнять боевые задачи. 14 января 1987 года мой однокашник по училищу и друг Александр Селиванин возвращался с аэродрома Асадабад, прикрывая своей парой Ми-24 два Ми-8 с ранеными солдатами. На удалении 30 км от аэродрома посадки на высоте 100—200 м над вершинами гор по его вертолету произвели пуск ПЗРК «Стингер». В кабине борттехника произошел взрыв, вспыхнули топливные баки. Хотя командир вертолета защищен мощной бронеспинкой сиденья, пламя достигло и его кабины. Руки и лицо Селиванина уже горели, когда он, приказав экипажу покинуть вертолет, пытался аварийно отстрелить дверь кабины. Убедившись, что поврежденные пиропатроны не сработали, горящими руками открыл дверь вручную и покинул вертолет с парашютом. Борттехник, к сожалению, погиб в вертолете.

Летчик-оператор действовал по инструкции и тоже выпрыгнул, парашюты обоих раскрылись автоматически. Не прошло и трех секунд, как они опустились на гору. Приземлившись, приступили к обстрелу душманов из автоматов. Когда группа спасения забирала экипаж, все увидели, что на автомате Александра осталась кожа его обгоревших рук. Тогда он не чувствовал боли. Впоследствии Александр был награжден орденом Красной Звезды. Подлечив в течение двух месяцев лицо и руки, он снова выполнял боевые задачи. Родина оценила его заслуги в этой командировке тремя орденами.

В связи с возросшей активностью ПВО противника командование ВВС приняло решение ограничить дневные полеты транспортных самолетов и вертолетов, пассажирам же поднимавшихся в воздух машин в обязательном порядке выдавались парашюты. На наших Ми-24 запретили брать в полет борттехников, так как потери среди них были выше, чем среди других специалистов.

Уже через день при перевозке людей несколькими пусками ПЗРК был сбит пассажирский Ми-8, летевший из Кабула. От удара ракеты в борту вертолета образовалась огненная дыра диаметром около полу-

Экипаж боевого вертолета Ми-24, пораженного ПЗРК «Стингер», после аварийной посадки. Справа — капитан К.А. Шипачёв
Джелалабад, 4 апреля 1987 г.

тора метров. Благодаря предпринятым мерам горящий вертолет на парашютах покинули и экипаж, и четыре пассажира. Причем часть людей покидала машину именно через пробоину.

Возвратившись из командировки по переучиванию летного состава, я сразу же приступил к обычной работе. 3 февраля, совершив 4 боевых вылета, выполнил еще 4 на проверку подчиненных летчиков в полетах по дублирующим приборам под шторкой; с 4-го по 6-е руководил полетами дежурных экипажей ночью, а 7-го опять проверял летчиков и выполнил 10 полетов.

СОГЛАСНО решению командования приступили к выполнению интенсивных боевых задач ночью. До конца февраля я или руководил ночными полетами, или летал со своим звеном, тоже ночью, на выполнение различных задач. Осуществили около 40 вылетов. Днем, 24 февраля, произвели только два полета для прикрытия посадки и взлета афганского самолета, который доставлял в Джелалабад президента ДРА Наджибуллу и руководство республики.

В марте наши полеты днем активизировались. Мы приступили к активному поиску караванов с оружием и одновременно готовились к операции «Круг». 3 и 4 марта звено выполнило 4 полета на обеспечение засадных действий 1 омсб. В каждом полете расходовали почти весь боекомплект. Осуществляя поиск и уничтожение бандитских караванов, батальон нес незначительные потери. Без нашей поддержки, по словам комбата, потери были бы гораздо серьезнее.

9 марта перед заходом солнца мы вылетели по вызову комбата на поддержку 1 омсб. Батальонная засада обнаружила караван, пропустила его боевое охранение и стала уничтожать основную группу. Но силы были неравными, у наших появились раненые. В этих условиях комбат принял решение эвакуировать группу вертолетами и добить душманов с воздуха. Наша группа, два Ми-8 и два Ми-24, во главе с командиром эскадрильи Прохаревым подошла в назначенный район, когда солнце уже зашло за горизонт. Транспортные вертолеты производили посадку в сложнейших условиях, ориентируясь только по специально зажженным для них кострам и сигнальным ракетам. По экипажам велся сильный обстрел из всех видов оружия. В это время мы на боевых вертолетах поражали вскрытые цели неуправляемыми ракетами и пушечным огнем. После наших залпов оставшиеся в живых бандиты стали разбегаться и прятаться среди скал. Засада была благополучно эвакуирована. Полет домой выполняли уже ночью.

Операция «Круг» началась 10 марта в районе населенного пункта Джикдалай. Здесь разведка обнаружила более 1000 душманов, которые были вооружены 13 установками ПЗРК, 60 гранатометами, 40 крупнокалиберными пулеметами и 10 зенитными горными установками. Замыслом операции предусматривалось одновременной высадкой 611 человек десанта (103 ввд, 108 мсд и 66 мсбр) блокировать район и уничтожить противника ударами артиллерии, авиации и действиями специальных групп.

За период с 10 по 20 марта при проведении операции наше звено выполнило около 20 боевых вылетов. Были выпущены 12 управляемых ракет и множество других боеприпасов, в результате чего уничтожены несколько огневых точек противника и два склада боеприпасов.

Метеоусловия к середине марта стали ухудшаться, поэтому командование 40-й армии приняло решение передать основную роль в завершении разгрома противника наземным войскам.

КОНЕЦ марта ознаменовался активной подготовкой к весенней итоговой проверке. После ее сдачи, 4 апреля мы снова приступили к полетам. В тот день наш экипаж выполнил один полет на поиск и уничтожение караванов в качестве ведомого

у комэска, так как мое звено временно распалось: два экипажа улетели в профилакторий, а ведомый, Андрей Грязев, заболел. Кроме этого, я выполнил 8 полетов на проверку молодых летчиков-операторов.

Казалось, очередной день пройдет спокойно. Однако перед обедом недалеко от аэродрома в небо потянулись клубы черного дыма.

Командира эскадрильи и меня срочно вызвали на КП. Там мы увидели еще двух командиров транспортных вертолетов и группу спецназа, ожидавших постановки задачи на боевой вылет. Задачу ставил командир полка Крушинен в присутствии начальника армейской авиации Григорьина. Оказалось, упал и сгорел вертолет Ми-24 Павла Винникова, выполнявший бомбометание.

По поводу происшедшего выяснилось следующее. При сбросе экипажем 100-килограммовой бомбы с предельно малой высоты (50 м) она взорвалась с замедлением не в 40 секунд, как положено, а сразу же после сброса, под фюзеляжем. В результате взрыва вертолет был сильно поврежден и загорелся, однако система управления и двигателя работали, экипаж травм не имел. Молодой командир экипажа, видимо, растерялся и продолжал выполнять полет, хотя надо было производить экстренную посадку. Пролетев около трех километров, он все-таки сел на удалении от аэродрома около 12 км, однако драгоценное время было упущено: вертолет был обхвачен пламенем, дверь командира уже не поддавалась аварийному сбросу. Стали взрываться боеприпасы. Выскочить после посадки успел только летчик-оператор. Помочь погибавшему командиру он не мог, вертолет сгорел полностью.

Командование сразу же отправило в тот район две БМД, офицера и 10 солдат-десантников для боевого патрулирования. Экипажам транспортных вертолетов была поставлена задача: перевезти в район катастрофы командира полка, начальника армейской авиации, выявить причины происшествия и забрать тело погибшего. Нам на боевых вертолетах надлежало прикрыть их с воздуха от ударов противника.

Перед вылетом мы с моим штурманом, анализируя ситуацию, в очередной раз проиграли свои действия при боевом повреждении такого рода, в том числе и на случай гибели командира, т.е. меня. Пришли к выводу, что при более четких и слаженных действиях экипажа Винников смог бы спастись.

Взлетали как обычно: сначала транспортные вертолеты, за ними — боевые. Первые произвели посадку рядом с местом гибели Винникова и находились на земле без выключения двигателей, а вторые отошли в сторону от площадки на 3—5 км и, барражируя на высоте 30 м при скорости 250 км/ч, нанесли редкие удары по огненным точкам, указанным разведчиками.

Не прошло и 15 минут полета, как я почувствовал, увидел и услышал сильный взрыв по левому борту своего вертолета, вслед за чем засветилось почти всё табло серьезных отказов систем. Честно говоря, в первые сотые доли секунды на меня нашло небольшое оцепенение. Но когда автоматические системы вертолета выдали четкие сообщения: «Борт 44, ПОЖАР», «Борт 44, опасная вибрация левого двигателя», «Борт 44, выключи левый двигатель» и когда мой верный друг Валера Мешаков, перекинув речевой информатор, заорал: «Пэ-Зэ-эР-Кааа...», — мои мысли и действия устремились в нужное русло. За очередную секунду, оценив ситуацию и выбрав место для посадки на плоскогорье, я уменьшил режим двигателей, резко погасил поступательную скорость и перешел на снижение. Продублировал включение системы тушения пожара, сбросил бомбы и ракеты на невзрыв и выпустил шасси. Когда колеса почти коснулись земли, отстрелил дверь для аварийного покидания, бросил в эфир «Я — 348-й, произвожу вынужденную посадку», а затем быстро выключил

двигатели, аккумуляторы и, уже выскакывая из кабины, зафиксировал тормоз колес. Все эти действия, производимые мной автоматически и почти одновременно, заняли несколько секунд.

Мы с Валерой отбежали метров на 30 и стояли с автоматами наизготовку, я — справа, он — слева от вертолета, а тяжелая машина, нехотя подчиняясь тормозам и замедляя вращение винтов, все еще катилась к небольшому оврагу.

Как показали потом результаты дешифрования системы автоматической регистрации параметров полета, «черного ящика», посадка была произведена через 7 сек после срабатывания аварийных табло в результате поражения вертолета ПЗРК «Стингер». Больше всего такой своей шустрости удивился я сам, и когда позже встретился с друзьями, сказал сам про себя по этому поводу: «Надо же, как летчика напугали!».

БЕГЛО ОСМОТРЕВ вертолет, обнаружили многочисленные повреждения: экранирующее-выхлопное устройство разорвано в клочья; у лопаток последних ступеней двигателя вырваны огромные куски — еще несколько секунд работы, и двигатель бы взорвался; весь левый борт, изрешеченный осколками ракеты, похож на сито, однако наиболее важная часть двигателя и гидросистемы защитила наружная броня; тяги несущего винта в некоторых местах прожжены осколками насквозь; перебиты семь топливно- и маслопроводов, а также частично повреждена электропроводка.

Все это заняло не более пяти минут, а к нам на помощь уже летел Ми-8 нашего товарища Хорина. Мы подбежали к вертолету и пытались погрузиться, но, открыв дверь, борттехник рукой жестко отстранил нас от борта. Показав знаками следовать за ним, он подвел нас к поврежденной машине, поставил под левым бортом и сфотографировал. До сих пор с благодарностью вспоминаем с Валерой наших спасителей и храним подаренные фотографии — у своей подбитой машины, через 5 минут.

Вертолет Хорина произвел взлет, однако не пошел на аэродром сразу, а стал выполнять какие-то подлеты и посадки. Когда я спросил, в чем дело и почему не летим на базу, борттехник ответил, что пока мы сидели на земле, мой комэск стал наносить последовательные удары по душманам, те же в свою очередь произвели по нему четыре пуска «Стингеров». Но комэск был похитрей и поопытней нас, он ушел в сторону солнца, использовал пассивные помехи, и ракеты одна за другой вошли в землю рядом с его низколетящим вертолетом. Я тут же сел за бортовой пулемет и открыл огонь по душманам. Валера подавал ленту. Мы вели огонь такой интенсивности, что чуть не сбили любимого комэска.

Наконец на КП полка опомнились и дали команду на прекращение всей этой круговерти, затем к подбитому Ми-24 подошли две БМД с десантом. Наш Ми-8 взял курс на площадку, где погиб Павел Винников, произвел там посадку и молотил винтами на земле еще минут 10. Рядом с нами, в грузовой кабине, лежало обуглившееся бронекресло с останками командира экипажа Павла Винникова. Тут же в вертолет заскочил озабоченный Григорьин, за ним — грустный Крушинен, и мы взяли курс в сторону моей сбитой машины. Когда высаживались, с воздуха нас прикрывала подошедшая пара боевых вертолетов.

ПОДНИМАЛИСЬ к месту падения машины втроем: Григорьин и я с автоматом в левой руке шли рядом; правее, метрах в 50 от нас, плелся измученный свалившимся на полк бедами Крушинен, тоже с автоматом и в жилете НАЗ-И с гранатами. Невдалеке звучали пулеметные очереди. Быстро осмотрев поврежденную машину, Григорьин смягчился. Он коротко бросил мне: «Молодец!» и приказал всем быстро возвращаться.

Появившись вечером в нашем модуле, мы с Валерой принялись рассказывать товарищам про свои

зключения, после чего сообща пришли к выводу, что с хваленным западными СМИ «Стингером» можем успешно бороться. Впрочем, это был первый, но далеко не последний случай в ходе афганской войны, когда после попадания в вертолет ПЗРК «Стингер» экипаж, действуя грамотно, спасал не только себя, но и свою технику. А опытный летчик, умело используя активные и пассивные помехи и соответствующие тактические приемы, вообще мог предотвратить попадание этих ракет. Так что в течение последующей совместной службы комэск подшучивал надо мной: «Ты что же такой слабак? В меня четыре «Стингера» пустили — и ничего, а в тебя всего два — и сбили».

На следующее утро вертолет № 67 стоял в готовности к вылету: экипаж — в кабине, 6 техников и солдат с радиостанцией — в грузовом отсеке, всю среднюю часть которого занимал огромный 400-килограммовый газотурбинный двигатель. Там же лежали агрегаты, трубопроводы и инструменты. Все это — для ремонта моей машины.

Удаление места ее аварийной посадки от аэродрома составляло не более 16 км, однако высадка нашей группы напоминала крупную операцию. Перед ней и в ходе нее 8 боевых вертолетов обрабатывали опасные районы из всех видов оружия и первые полчаса после высадки барражировали над нами. Потом, увидев, что все спокойно, КП дал команду на возврат всех бортов.

Рядом с поврежденным вертолетом остались 18 человек: солдат-связист с радиостанцией, 6 авиатехников, 10 десантников во главе с лейтенантом на двух БМД и я, старший всей этой команды.

Хотя я и был достаточно молод, но считал себя довольно хорошим специалистом в вопросах эксплуатации вертолетов. И все-таки сначала не мог понять, как в полевых условиях, без подъемного крана и другого оборудования можно заменить тяжеленный двигатель на 11-тонном вертолете. Оказалось — можно, после того как техники, применяя какие-то им одним известные секреты, приладили на узле крепления лопасти полиспаст (блочное подъемное устройство). Между тем лейтенант-десантник, посоветовавшись со мной, грамотно расставил своих подчиненных в дозоры.

Не прошло и часа спокойной работы, как мы услышали страшный рев и увидели вспышки от реактивных снарядов (РС), которые выпускали душманы с окраины «зеленки», простиравшейся на 20 км вдоль Черной горы. Пуски происходили с дальности 3—4 км, именно с того места, откуда вчера производились пуски ПЗРК «Стингер». Прошло всего несколько секунд, и мы поняли, что стреляют по нам. Снаряды рвались рядом, с перелетом 100—150 м.

ЯУЖЕ ПЫТАЛСЯ связаться с КП по радио, когда стрельба прекратилась. Мы успокоились и продолжили свою работу. Однако через 20 минут вспышки появились вновь, но на этот раз душманы перенесли огневую позицию на 300 м дальше. Теперь снаряды рвались с недолетом 150—200 м, а спрятаться от них было негде. Мы пытались отстреливаться из пушек БМД, но те били на дальность не более 2 км.

Когда стрельба в очередной раз прекратилась, я, как имеющий опыт корректировки огня артиллерии, понял, что «духи» пристрелялись, и следующие РС лягут точно по нам. Опять схватился за передатчик, только дальности связи УКВ-станции с короткой антенной, чтобы связаться с КП полка, не хватало. Ситуацию попытался взять под контроль бравый командир десантников. Он сказал мне: «Товарищ капитан, давай я на своих БМД заеду в «зеленку» и покрушу там всех бандитов». Смелость двадцатилетнего лейтенанта я оценил по достоинству, так как численность только одной из пяти действовавших там банд, как потом выяснилось, достигала более 100 человек.

Выручила авиационная смекалка. Перейдя на час-

Преподаватели
Военной
академии
Генерального
штаба —
участники
войны в
Афганистане.
Третий слева —
К.А. Шипачёв

тоту транспортной авиации, я связался с одним из Ил-76, шедшим по маршруту Ташкент—Кабул (за счет большой высоты полета самолета взаимная УКВ-связь была отличной), и попросил передать на «Омар» (позывной нашего аэродрома), что нас обстреливают из «зеленки» и что мы нуждаемся в поддержке с воздуха. Командир Ил-76 отреагировал мгновенно, поняв всю серьезность ситуации.

Ответ от него пришел через считанные минуты: «Вам сообщают, что авиации не будет, район очень опасный, работайте с батареей «Град» через ретранслятор — заставка №..., частота..., позывной...». По команде КП ВВС 40-й армии в воздух был поднят Ан-26РТ с оперативной группой.

Я, не теряя времени, настроил радиостанцию на указанную частоту и связался с одной из застав, окружавших аэродром. Командир поста порекомендовал мне работать через него с «Градом» и выдать ему координаты целей. Учитывая почти 20-километровое удаление целей от батареи «Град», я засомневался, что снаряды долетят. Командир заставы развеял мои сомнения и опять потребовал координаты, которые я выдал по карте запасливого лейтенанта-десантника. Мне, опытному корректировщику, это не составило особого труда. Результат превзошел все мои ожидания: одиночный снаряд реактивной установки ударил почти точно по душманам, а после еще одной пристрелки я скоординировал: «Батарея, залпом — огонь!». Огромный эллипс разрывов шириной более 600 м с центром в том месте, откуда вчера по нам производились пуски ПЗРК, а сегодня — РС, накрыл «зеленку». Тут же из нее выскочили около 60 вооруженных душманов на лошадях и двинулись в нашу сторону, но десантники открыли заградительный огонь из пушек БМД. Я же, встав на небольшую возвышенность и прикрыв глаза от солнца рукой, выдавал координаты вновь выявленных целей солдат-связисту. Банда была полностью уничтожена.

Все это время техники работали «в поте лица», меняя двигатель и агрегаты. Вертолет был восстановлен, опробован, и я перегнал его на аэродром Джелалабад. На нем еще не раз выполняли боевые задачи и наш экипаж, и другие летчики.

Вечером на скамейке у модуля летчики слушали мой очередной рассказ о приключениях на земле и весело смеялись. Моральный дух эскадрильи в этот период был как никогда на высоком уровне.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день командир эскадрильи вызвал меня и сказал, что командование полка за мужество и героизм, проявленные при участии в боевых операциях, а также профессионализм при спасении вертолета и уничтожении душманской банды ходатайствует о награждении меня второй боевой наградой — орденом Красного Знамени. Были представлены к наградам и остальные участники, в том числе к своей четвертой награде, ордену Ленина, и комэск Прохарев. Его собирались представить к званию Героя Советского Союза, но в нашей эскад-

рилье оказалось слишком много потерь, хотя и не по его вине: за год командировки из 24 экипажей боевых вертолетов 8 были сбиты, 4 из которых погибли.

Наш опыт вынужденной посадки широко освещался руководством ВВС 40-й армии и армейской авиации. Полковник Григорьев, бывая в вертолетных полках, постоянно ставил в пример наши экипажи: «Вот в джелалабадском полку летчики! Его «Стингером» сбили, а он благополучно сел, потом пришел к командиру полка и доложил по всей форме!»

Не прошло и месяца после столь громкого происшествия, как такая же ситуация произошла с экипажем нашей эскадрильи, где командиром был мой одноклассник и друг Александр Хабарин. Но им, ознакомленным с нашим опытом, было уже проще. После поражения двумя ракетами «Стингер» они благополучно произвели посадку. Вертолет был быстро отремонтирован и перебазируется на аэродром.

В период с 24 апреля по 23 мая наш экипаж выполнил 16 полетов, в основном на поиск и уничтожение караванов с оружием. 18 мая нам сообщили, что кабульский экипаж Ми-24 сбит ПЗРК при сопровождении транспортных вертолетов, летчикам спастись не удалось. Всего же за первый период 1987 года группировка авиации 40-й армии выполнила 51 тысячу полетов, потеряв 18 вертолетов и 8 самолетов. Большое количество потерь объяснялось близостью границы с Пакистаном, а следовательно, возможностью душманов оперативно пополнять свое войско живой силой, советниками и новыми видами оружия. Кроме того, экипажи боевых вертолетов прикрывали практически собой транспортные вертолеты с людьми.

К началу мая наконец-то мое звено собралось в полном составе, поскольку приехали из госпиталей и профилакториев находившиеся на лечении и отдыхе. Это меня обрадовало и приободрило, поскольку своим подчиненным, как никому другому, я всецело доверял в бою. И это было понятно, ведь мы были не только отличными слетаны в воздухе, но и жили, как настоящие друзья, знали все достоинства и недостатки друг друга.

В период с 1 по 3 мая мы парой с экипажем Андрея Грязева выполнили 4 вылета, а 4-го заступили на боевое дежурство всем звеном.

В этот день в 5.00 утра на поиск и уничтожение душманских караванов ушла большая группа из 12 транспортных и боевых вертолетов. А еще через некоторое время в воздух были подняты все мои вертолеты, устремленные туда, где в 30 км от аэродрома поднимались клубы черного дыма. Вскоре я увидел летевавший нам навстречу Ми-24 моего одноклассника Саши Хабарина. Пронюсая мимо, он прокричал в эфир открытым текстом: «Костя, Гену сбили! Я все расстрелял. Заряжусь — вернусь. Быстрее на помощь...».

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ минут полета на максимале нам представилась следующая картина: на земле находились два подбитых Ми-24. Один, Гены Сечкова, уже догорал. Другой, сильно поврежденный, Са-

ши Шиткова, стоял, накренившись, на краю оврага. Как выяснилось позже, при досмотре большого каравана душманы открыли сильный огонь, сбили два вертолета и рассредоточились на плоскогорье.

Как только мы прилетели в район, остальные вертолеты пошли на дозаправку и зарядку с таким расчетом, чтобы затем сменить нас. Наше звено по моей команде замкнуло круг над сбитыми вертолетами, экипажи стали осматриваться. Не прошло и двух минут, как по нам открыли сначала редкий автоматный, а потом интенсивный пулеметный огонь. Затем мы рядом с собой увидели разрывы — по нам били из гранатометов. В этой обстановке я мог дать только одну команду: «Делай, как я». Передав ее в эфир, приступил к нанесению ударов управляемыми ракетами и из пушки по видимым огневым точкам противника. Экипажи последовали моему примеру. Сопротивление душманов сразу ослабло. Однако понимая, что наш боезапас и заправка не безграничны, оставшиеся в живых бандиты опять стали наращивать сопротивление.

Командование ВВС 40-й армии, зная о происходящем, оперативно подняло с аэродрома Кабул ретранслятор Ан-26РТ с группой офицеров, чтобы руководить спасательной операцией и оказывать нам всяческую помощь. В ответ на мой запрос о поддержке уже через 10 минут к нам пришло звено штурмовиков Су-25. Тогда я в очередной раз увидел, что могут эти летчики на своих самолетах. Связавшись со мной, пилот Су-25 попросил: «348-й, обозначь взрывами проблемные места, а я туда соточек навалю». Я не заставил себя долго ждать и нанес ракетные удары по наиболее активным огневым точкам. Однако летчик штурмовика с высоты 6000 м плохо рассмотрел разрывы ракет С-8 и сказал: «348-й, давай я одну соточку брошу, и мы скорректируемся, только отойдите в сторонку». Мы отошли на 1000 м, и я скомандовал: «516-й, бросай!» Бомба легла почти без отклонений. Скорректировав по радио положение целей относительно разрыва, я передал в эфир: «516-й, можешь сыпать».

Результат и меня, уже бывалого, удивил: все 24 бомбы точно, с отклонением не более 5 м, поразили заданные цели. Хотя отдельные душманы еще продолжали отстреливаться, основная их масса была уничтожена.

После окончания боя были вывезены тела наших погибших товарищей — Геннадия Сечкова и Ильи Ермолаева, а вертолет Александра Шиткова восстановлен и перебазирован на аэродром.

За проявленные мужество и героизм все участники этой операции были представлены к государственному наградам; Геннадий Сечков посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

С 5 по 10 июня наше звено продолжало выполнять боевые задачи. Летали почти каждый день. 11 июня по приказу командования мой экипаж вылетел в Кабул для корректировки огня артиллерии в связи с проводившейся 12—25 июня операцией. За июль выполнили 25 боевых вылетов, часть из них ночью.

Августовская замена приближалась, поэтому настрояние было предпраздничное. Пять дней вводили в строй прибывших летчиков, а 20 августа улетели в Союз. Самым радостным событием для нас было пересечение границы с СССР. Когда командир Ил-76 сообщил об этом по громкоговорящей связи, все сразу же достали подготовленное шампанское и выстрелами пробок ознаменовали конец войны. К сожалению, только для нас.

Полковник К.А. ШИПАЧЁВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

В Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В ДЕНЬ 50-летия Победы 9 мая 1995 года открыл свои двери для посетителей Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., ставший центром мемориального комплекса, в который вошли: главный монумент Победы — 141,8-метровый штык с бронзовыми барельефами и богиней Победы — Никой, храм Святого великомученика Георгия Победоносца, мемориальная мечеть и мемориальная синагога, дань памяти представителям всех основных религиозных конфессий, сражавшихся в фашизмом в годы войны.

В музее на экспозиционной площади свыше 44 тыс. кв. м находится: основная военно-историческая экспозиция, запечатлевшая хронику военного лихолетья; картинная галерея и шесть диорам, созданных известными мастерами Студии военных художников им. М.Б. Грекова: «Контрнаступление советских войск под Москвой в декабре 1941 г.», «Соединение фронтов. Сталинград», «Блокада Ленинграда», «Курская дуга», «Форсирование Днепра 1943 г.», «Штурм Берлина». Особенности экспозиции — аудиовизуальные комплексы (видеостены), демонстрирующие подлинную кинохронику военных лет, редкие фото, картографические и архивные материалы.

Кроме постоянно действующей экспозиции в музее представлены временные выставки: «Стратегия Победы. Советская дипломатия в 1941—1945 гг.» (выставочный зал № 1); «Антифашистская графика» из фондов Мемориального музея немецких антифашистов — филиала Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (зал подарков); фотовыставка чешского фотографа Ядрана Шетлика «Герои Отчизны» (перед залом славы); «Стрелковое оружие РККА 1941—1945 гг.» (выставочный зал № 2). К 60-летию Победы открылась всероссийская выставка «Победа великого народа» (Художественная галерея), где собраны редчайшие, подлинные экспонаты из многих музеев России.

Музей располагает редкими собраниями личных вещей защитников Отечества, тружеников тыла, а также таких прославленных военачальников Великой Отечественной, как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Р.Я. Малиновский, М.И. Захаров и др.

Здесь проводятся встречи с ветеранами войны и труда, массовые мероприятия по празднованию памятных дат военной истории Отечества, дни памяти полководцев, научные и научно-практические конференции, симпозиумы и круглые столы, циклы выставок и лекториев. Музей ведет большую героико-патриотическую и культурно-образовательную работу среди молодежи, оказывает методическую помощь в создании выставок, военно-исторических экспозиций.

Согласно дипломатическому протоколу музейный комплекс посещают главы государств и правительства, президенты, министры, многочисленные делегации иностранных государств.

Важной частью мемориального комплекса, помимо музейных залов, является парк Победы. В его аллеях на площади около трех гектаров экспонируется более 250 различных образцов военной техники и вооружения периода Великой Отечественной войны. На специальных площадках представлены: легендарный танк Т-34, штурмовик Ил-2, знаменитая «катюша», грозная дивизионная пушка ЗИС-3 и многие другие экспонаты, являющиеся лучшими образцами оружия Второй мировой войны. В августе 2004 года коллекция военной техники пополнилась ценнейшим историческим реликтом самолетом-бомбардировщиком Ил-4. Всего в Российской Федерации сохранилось четыре самолета ДБ-3Ф(Ил-4), экспонат музея стал пятым по счету.

Филиал Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Мемориальный музей немецких антифашистов находится в г. Красногорске. В музее постоянно действуют экспозиции: «Красногорский лагерь военнопленных», «Центральная антифашистская школа, антифашистское движение военнопленных — Национальный комитет "Свободная Германия"»; «Красногорск. Страницы истории». Совсем недавно открылись новые разделы экспозиции «Разгром группы армий "Центр"», «Приход нацистов к власти». Многие экспонаты уникальны и имеют большую историческую ценность.

* * *

В ЦЕНТРАЛЬНОМ музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. прошла встреча руководства музея с представителями средств массовой информации, на которой выступил директор музея В.И. Забаровский с информацией о мероприятиях музея в период подготовки и празднования 60-летия Великой Победы, перспективах деятельности на 2005 и последующие годы. В ходе встречи состоялся осмотр обновленной экспозиции и новых выставок музея, презентация справочника «Перечни объединений, соединений, участвовавших в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941—1945 гг.», награждение руководителей средств массовой информации за активное сотрудничество с музеем.

* * *

22 ИЮНЯ в День памяти и скорби в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. состоялись: акция «Возжжение свечей памяти» в память о погибших в Великой Отечественной войне; митинг, посвященный 64-й годовщине начала Великой Отечественной войны и возжжение свечей в зале памяти; выступление ветеранских и народных хороших коллективов г. Москвы и Московской области в зале памяти; демонстрация документальных фильмов о Великой Отечественной войне; концерт Российского государственного музыкального телерадиоцентра (коллектив Академического большого концертного оркестра имени Ю.В. Силантьева — художественный руководитель и главный дирижер, народный артист СССР М. Кажлаев); презентация уникальных танков Т-26, Т-46 и броневомобиля БА-64 на открытой площадке экспозиции боевой техники и инженерно-технических сооружений.

Н.Г. ЧЕРЕПАНОВА